

аргументирования догм общины» он решает актуальную для мусульманских аристотеликов проблему легализации философского знания, которое в глазах мусульманских богословов таковым не являлось вовсе, ибо основывалось не на Коране и Сунне, а на учениях греческих язычников Платона и Аристотеля.

Истину и пророк, и философ черпают из одного источника, а именно Деятельного разума. Однако, если пророк получает ее в образах, ибо Деятельный разум (с которым отождествляется архангел Гавриил) воздействует на воображение пророка, то философ — в понятиях. На этом основании Ибн-Рушд выводит свою основную идею о родстве философии и религии, но не прямом, а косвенном, ибо философия и религия, по выражению Ибн-Рушда, «молочные сестры», у которых источник один, а матери — разные. По мысли Ибн-Рушда, занятия философией—удел избранных, интеллектуальной элиты, постигающей истину через философские и логические понятия и обобщения, в то время как «широкая публика», не способная к концептуальному мышлению, но, тем не менее, нуждающаяся в том, чтобы необходимые общественные и право-

вые нормы были облечены в форму ниспосланных свыше законов, удовлетворяется поэтическими и риторическими образами.

Говоря о бессмертии индивидуальной души, которое Ибн-Рушд, подобно другим мусульманским аристотеликам, рассматривал не в морально-этическом, а в интеллектуалистском плане, философ признавал индивидуальное человеческое бессмертие (а с ним и телесное воздаяние в загробном мире).

Выступая в качестве одного из признаков «разумной души», активный интеллект, по Аверроэсу,— это и содержание человеческой мысли (т.е. познанные закономерности мира), и различного рода интеллектуальный «инструментарий», включающий в себя как саму способность к абстрактному мышлению, так и принципы абстракций, логические схемы, по-